

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

выпуск 5 volume 5

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург 1994

Танское чиновничество: рутинные процедуры

В. М. Рыбаков (Институт востоковедения РАН) (Санкт-Петербург)

I. Общие замечания

Средневековой китайской бюрократии посвящено немало работ, и это вполне закономерно, поскольку правильное понимание тогдашнего китайского общества невозможно без понимания бюрократии и ее взаимоотношений с другими социальными группами. В танское время лично свободные жители Китая подразделялись на имеющих и не имеющих ранги, и юридический смысл имело, по сути, лишь это подразделение. Иные факторы, например, материальное благосостояние, формально никак не влияли на положение индивидуума перед законом; правовой статус относительно немногочисленных аристократов также маркировался не титулом, принадлежащим им по рождению, а соответствующим этому титулу рангом. Кроме того, аристократы постоянно стремились к получению должностей в государственном аппарате, благо для них этот процесс был значительно облегчен. Дело, помимо прочего, в том, что ранг аристократа, являясь следствием обладания титулом знатности, оставался одним и тем же, пока одним и тем же оставался титул — то есть, скорее всего, от рождения и до смерти. А коль скоро не менялся ранг, не менялись и даваемые им особые состояния, обеспечивавшие тот или иной социальный статус не служащего аристократа. Ранг чиновника не принадлежал ему от рождения и не являлся результатом некоего единовременного подвига, но обеспечивался выполнением служебных обязанностей. Будучи функцией непрерывного процесса административной деятельности, чиновника мог меняться. Эга возможность резко выделяла чиновничество среди прочих сословий и социальных групп традиционного Китая.

Корпус чиновничества обладал сложной и крайне иерархичной внутренней структурой. Выделяя чиновничество в самостоятельное сословие, следует помнить, что оно было стратифицировано гораздо

сильнее, чем остальные. Социальный разрыв между высшим и низним чиновничеством был не меньше, а, скорее всего, больше, нежели разрыв между представителями любого другого сословия, находящимися на противоположных концах заключенного в рамках данного сословия отрезка общественной иерархии.

Автору данной работы уже не раз приходилось писать о специфическом правовом положении членов бюрократии и статуционально приравненных к ним не служащих обладателей рангов, об особенностях карательных санкций, применяемых к пим государством в случае необходимости, о нестандартных провинностях, которые лишь применительно к чиновничеству оказывались таковыми, и т. д. Однако явно назрела необходимость хотя бы вкратце рассмотреть стандартные правовые процедуры, определявшие повседпевную, обыденную жизнь чиповничества вне тех экстремальных ситуаций, которые возникали вследствие совершения членами бюрократии тех или иных криминальных актов. На таком фоне правовые последствия этих криминальных актов могут быть поняты гораздо четче.

Возникновение бюрократии обычно связывается с историческими периодами, когда управление неким социальным организмом перестает быть частной собственностью некоего лица, то есть когда интерес правителя перестает полностью совпадать с государственным интересом. Такая обстановка свойственна различным ситуациям, которые не могут жестко быть привязаны к какой-то одной эпохе, к какому-то единственному, как сказали бы еще несколько лет назад, способу производства — например, при внешней экспансии, посредством когорой в административные границы одного государства вовлекаются более мелкие социальные организмы, и внутри одного государственного объединения возникает ряд почти независимых единиц с различными или, чаще, одинаковыми, но взаимоисключающими интересами. "Корпоративный" характер китайских империй очевиден, они всегда соединяли под эгидой единой политической власти ряд более или менее разобщенных районов. На момент образования Танского государства, например, на его территории существовало по меньшей мере четыре такие корпорации: Хэбэйская четверка великих кланов; кланы Гуаньчжуна (к которым принадлежал и род Ли, который утвердил возглавившую Тан династию); кланы Шаньси; кланы долины Ящзы; помимо них, разумеется, существовало значительно большее число клановых корпораций, пользовавшихся не всеимперским, но достаточно мощным региональным влиянием [12, 50—51]. Будучи не в силах сломить друг друга, и одновременно нуждаясь друг в друге для осуществления "общих дел", они вынуждены были идти на компромисс и как-то координировать часть своих усилий, в то же время ущемляя друг друга там, где это возможно. Методы реализации компромисса, с одной стороны, и пределы возможных взаимоущемлений, с другой, неявно фиксировались в праве, а государственному аппарату отводилась родь посредника, гаранта компромиссов, балансировавшего между корпорациями. Пока балансирование осуществлялось успешно, все корпорации были заинтересованы в существовании данного аппарата, но как только он попадал под преимущественное влияние одной, или нескольких объединившихся, корпораций, остальные имели "полное право" то есть не имели иного выбора, чем — отказаться от подчинения центральному правительству, а, возможно, попытаться вооруженным путем отобрать контроль над ним у более влиятельной корпорации, что неизбежно вело к дезинтеграции (Хань, Тан). С другой стороны, всякая попытка аппарата снизить права и возможности всех корпораций разом ниже некоторого, нигде не зафиксированного, но всегда осознававшегося, минимума и установить непосредственное, "аппаратное" управление державой немедленно приводило к возмущению всех корпораций разом, к противостоянию аппарата и страны, и, естественно, к еще более быстрой гибели государства (Цинь, Суй).

Большинство исследователей ищет причины необычно высокого уровня развития бюрократии в традиционном Китае в необычно высоком уровне "общих дел", встающих, вообще говоря, перед любым обществом. Например, Э. Балаш указывает на следующие функции, которые постоянно должно было выполнять китайское государство:

- координация политической активности множества экономически разобщенных хозяйств и районов на громадной территории;
- речной контроль, речной транспорт, строительство каналов и дамб;
 - составление и поддержание единого календаря;
- обеспечение стратегических запасов продовольствия, борьба с частыми стихийными бедствиями;
- унификация мер на большой, этнически неоднородной и экономически разобщенной территории;
 - оборона против периодических набегов кочевников;
- подготовка и воспроизводство кадров для последующего выполнения всех этих функций, обеспечение преемственности и непрерывности управления [9, 8—15].

Характерной особенностью этих трудоемких и дорогостоящих функций было то, что ни одна из них, как указывает Э. Балаш, не была продуктивной — и в то же время продуктивная деятельность нуждалась в их осуществлении. Отсюда усиленное культивирование в "моральном кодексе" чиновничества стремления к абстрактному общественному благу и к самоотречению, то есть к социально ценным ре-

зультатам управленческой деятельности безотносительно к конкретной сфере этой деятельности и влиянию ее результатов на самого чиновника.

Нельзя сбрасывать со счетов и весьма существенный культурологический момент, который, казалось бы, лежит за рамками так называемых объективных факторов, но, на наш взгляд, напротив, доказывает, что на определенном уровне рассмотрения субъективные особенности данной цивилизации могут быть поставлены в ряд с объективными, такими, как, например, соседство с воинственными кочевниками или этническое многообразие. Речь в данном случае идет о чрезвычайно высоком престиже государственной службы, а, следовательно, и знака принадлежности к ней — чиновничьего ранга. Коль скоро в течение веков сопричастность к осуществлению центральных управленческих функций осознавалась обществом как дело громадной важности и высокого искусства, коль скоро затем в общественном сознании понятия государственного служащего и добродетельного человека в значительной степени слились воедино — аппарат начинает воспроизводить сам себя в расширенном масштабе вне зависимости от реального числа стоящих перед ним задач.

Следует иметь в виду и то, что перечисленные Э. Балашем функции характеризовались неизменностью на протяжении очень долгого времени. Для имеющих с ним дело учреждений творческий подход к ним естественным образом становился излишним, так что обычное стремление любой бюрократии к сведению до возможного минимума личной инициативы получало мощное объективное подкрепление. Приверженность древним рецептам являлась закономерным следствием неизменных — вернее, представляющих собою череду повторяющихся изменений — внешней среды и внутреннего положения. Стереотипы реакций на тот или иной раздражитель были сформулированы еще на первых стадиях государственности. Поэтому на протяжении длительного периода поиск решений неизбежно сводился к перебору гибких вариантов, нахождению наиболее подходящего и его ситуационной конкретизации. Бюрократия, в свою очередь, стремилась еще больше стабилизировать среду, в которой она существовала.

II. Эскиз структуры

Тремя высшими учреждениями в танское время были Государственный департамент (Шаншу шэн 尚書省), Императорская канцелярия (Мэнься шэн 門下省) и Императорский секретариат (Чжуншу шэн 中書省). Государственный департамент подразделяется на шесть

В. М. Рыбаков. Танское чиновничество: рутинные процедуры

палат: Палату чинов (Ли бу 吏部), Палату финансов (Ху бу 戶部), Палату церемоний (Ли бу 禮部), Военную палату (Бин бу 兵部), Палату наказаний (Син бу 刑部) и Палату общественных работ (Гун бу 工部). Во главе каждой палаты стоял начальник (шаншу 尚書). Государственный департамент имел центральный аппарат, называвшийся Дутан, или Душэн (都堂, 都省). В широком смысле термин дутан указывал на Зал управления делами (Чжэншитан 正事堂), где для совещаний собирались главы департаментов со своими помощниками, а при больших собраниях — чиновники седьмого ранга и выше всех департаментов [1, 224; 14, 25]. Функции Императорской канцелярии и Императорского секретариата во многом совпадали. Все доклады трону, за исключением особо оговоренных случаев, проходили через канцелярию. Государственный департамент держал в своих руках исполнительную власть, а канцелярия и секретариат осуществляли вспомогательные функции в отправлении законодательной власти. Впрочем, высшие служащие Государственного департамента вполне могли также принимать участие в обсуждении планируемых мероприятий.

Затем шли дворцовые службы, ответственные за обслуживание особы императора во время работы и отдыха: Библиотечный департамент (Мишу шэн 祕書省), ведавший хранением документов, книг, рукописей, карт и редакционной службой, Департамент общего обеспечения (Дяньчжун шэн 殿中省), ведавший императорским питанием, гардеробом, экипажами, медицинским обслуживанием, и Департамент внутреннего обеспечения (Нэйши шэн 內侍省), ведавший внутридворцовыми рабами, внутридворцовыми женщинами, внутридворцовыми оскровищницами, внутридворцовыми экипажами и т. д.

Особое место в системе учреждений занимала Цензорская коллегия, или, традиционно, Цензорат (Юйши тай 御史臺), несомненно, обязанная своим существованием еще заветам Шан Яна и Хань Фэйцзы, призывавшим отделить чиновников проверяющих от чиновников исполняющих, чтобы воспрепятствовать у них возникновению общих интересов и сговора.

Затем шли девять управлений: Управление императорских жертвоприношений (Тайчан сы 太常寺), ведавшее подготовкой, обеспечением и проведением государственных ритуалов, содержанием главных храмов, императорских гробниц, прорицательской службой и т. д., Управление императорских пиров (Гуанлу сы 光禄寺), ведавшее ритуальными и прочими коллективными трапезами при дворе, Управление императорских регалий (Вэйвэй сы 衛尉寺), ведавшее столичными военными складами, вооружением дворцовой гвардии, военными и гражданскими регалиями, необходимыми при ритуальных дворцовых церемониях, и т. д., Управление по делам императорской семьи

(Цзунчжэн сы 宗正寺), ведавшее учетом членов семьи императора, их рождений, смертей, социального положения и точным определением степеней родства между всеми ими, Управление императорских экипажей (Тайпу сы 太僕寺), ведавшее экипажами и конюшнями, а также скотоводством, и паланкинами знати и высшего чиновничества, выдававшимся им в пользование на моменты церемоний, Политическое управление (Хунлу сы 鴻臚寺), ведавшее дипломатическими приемами, общением с официальными гостями из-за рубежа, сбором информации о положении в сопредельных странах, а также организацией торжественных похорон высших чиновников, Сельскохозяйственное управление (Сынун сы 可農寺), ведавшее зернохранилищами, снабжением двора зерном и овощами, соледобычей, столичными парками и военными поселениями и Управление сокровищниц (Тайфу сы 太府寺), ведавшее казной, государственными имуществами, государственными лично зависимыми, сбором и хранением налогов, поступающих не в зерне, а в тканях, драгметаллах и т. д., а также столичными рынками.

За управлениями в аппаратной иерархии следовали пять директоратов: Высшее административное училище (Гоцзы цзянь 國子監), ведавшее подготовкой кадров по различным профилям и дисциплинам, Директорат императорских мастерских (Шаофу цзянь 少府監), ведавший изготовлением церемониальных предметов, регалий, ритуального оружия, а также внешнеторговыми рынками, Директорат строительных работ (Цзянцзо цзянь 將作監), ведавший строительством дворцов и зданий, рубкой леса, изготовлением статуй и т. д., Директорат оружейных мастерских (Цзюньци цзянь 軍器監), ведавший изготовлением боевого вооружения и доспехов и Директорат речного контроля (Душуй цзянь 都水監), ведавший водными коммуникациями, ирригацией, дамбами, плотинами, рыболовством.

Существовали также административные аппараты наследника престола и высших князей крови, в миниатюре копировавшие административный аппарат императора.

Регулярное управление на местах нормально вверялось округам (чжоу 州) и уездам (сянь 縣) — единицам центрального подчинения, со штатом назначаемых и сменяемых центром чиновников, и более мелким, лидеры которых уже не назначались из центра, и избирались уездным начальством из числа наиболее уважаемых местных жителей, предпочтительно имеющих наградные должности (сюнь гуань 則官) или иные отличия.

Конечно, это лишь самая общая схема. На протяжении трех веков танской истории и названия, и функции, и подразделенность раз-

личных учреждений менялись не раз. Но все это были не более чем модификации одной и той же матрицы.

Положение индивидуума в привилегированной иерархии фиксировалось при помощи служебных должностей (чжиши гуань 職事官), почетных должностей (сань гуань 散官), гвардейских должностей (вэй гуань 衛官), наградных должностей (сюнь гуань) и аристократических титулов знатности (цзюэ в). Высота всех должностей и всех титулов обозначалась соответствующими им рангами; ранг был универсальным мерилом статуса. Согласно рангам предоставлялись экономические льготы и правовые преимущества. К льготам, дифференцированным по рангам, относились такие, как возможность получения жалованья и земельного участка, к недифференцированным — такие, как освобождение от налогов и трудовых повинностей. Правовые преимущества, дифференцированные по рангам, заключались в праве на соискание должности, в пользовании какой-либо из четырех привилегий в случае совершения уголовного преступления и в передаче "тени" (инь 陰) родственникам.

Вся совокупность служебных должностей подразделялась на две большие и качественно отличные группы: должности основного штата (люнэй 流分) и вспомогательного штата (лювай 流分). Должности вспомогательного штата имели высоты, измерявшиеся рангами с первого по девятый. Однако это были не те ранги, которые нас здесь интересуют, а лишь их бледное подобие, отражение высокого в низком, хотя и назывались они так же: пинь (日). Персонал лювай не относился к бюрократии, а состоял из мелких писцов, привратников, казенных лично свободных мастеров, кладовщиков и т. д., то есть служащих, но не имеющих отношения к управлению.

Шкала должностей основного штата имела тридцать градаций (изе $\mbox{\begin{tikzpicture} {\mbox{\begin{tikzpicture} {\begin{tikzpicture} {\begin{tikzpicture} {\begin{tikzpicture} {\begin{tikzpicture} {\begin{tikzpicture} {\begin{tikzpicture} {\begin{tikzpicture}$

- основной четвертый высший ранг (чжэн сы пинь шан 正四品上);
- основной четвертый низший ранг (чжэн сы пинь ся 正四品下);
- вспомогательный четвертый высший ранг (цун сы пинь шан 從四品上);
- вспомогательный четвертый пизший ранг (цун сы пинь ся 從四品下).

Пюбая должность в принципе могла быть занята лишь чиновником, имеющим личный ранг, соответствующий рангу должности. Факт занятия должности фиксировался документально вручением чиновнику должностного удостоверения (гаошэнь 告身). Тем чиновникам, которые по каким-либо причинам занимали должности, не соответствующие их личным рангам, должностные удостоверения не выдавались. Чиновники, временно занимающие должности более высокого, чем их личный, ранга, назывались "оберегающими" данную должность (шоу 寸); в противоположной ситуации они назывались "осуществляющими" данную должность (син 行).

Служебная должность, которую в данный момент занимал чиновник, являлась показателем его конкретных административных функций; ранг, который он имел, являлся показателем его общественного положения. Согласно рангу выплачивалось жалованье, распределялись привилегии, выделялись "поля вечного занятия" (юнье тянь 水業田), предписывался образ жизни: жилище, экипажи, одежда, украшения и пр. С должности чиновник мог уйти по возрасту или по болезни, или даже мог быть уволен вследствие изменений в штате (например, упразднения данной должности), но во всех этих случаях должностное удостоверение у него не отбиралось и ранг он практически сохранял. Уже после отставки он продолжал пользоваться всеми преимуществами и лыготами, которые вытекали из его действительной службы в последней должности [4, ст. 15].

Поля вечного занятия выдавались только чиновникам пятого ранга и выше. Их разрешалось наследовать, причем, даже если служащие наследники подвергались за уголовное преступление разжалованию (чумин 除名) и отстранялись от служебной деятельности, поля у них не отбирались. С другой стороны, если разжалованием наказывался сам получивший данное поле от государства чиновник, оно отбиралось у него [2, 620—624].

Все чиновники, занимавшие служебные должности пятого ранга и выше, по достижению 70 лет могли выйти в отставку (чжиши 致住). Однако до конца жизни они продолжали получать жалованье, уменьшенное вполовину относительного того, какое они получали соответственно рангу последней своей должности. Эта же льгота была предусмотрена для чиновников, ушедших в отставку в любом возрасте, чтобы ухаживать за престарелыми одинокими родственниками. Чиновники пятого ранга и выше испрашивали на эту отставку разрешение у императора, чиновники шестого ранга и ниже — у Государственного департамента [2, 324—325].

Все чиновники основного штата освобождались от налогов и трудовых повинностей. Документом, дающим право на изъятие из по-

датных списков, являлось удостоверение на освобождение от налогов (цзюаньфу 蓋蜀行), а если оно запаздывало — само удостоверение на должность. Поскольку в некриминальных ситуациях после отставки удостоверение на должность не отбиралось, очевидно, продолжало действовать и изъятие из податных списков [5, цз. 58; 3, цз. 3].

Когда-то существовали реально, но с течением времени либо исчезли, либо перешли в ведение других служебных должностей. Например, почетная должность тэцзинь (特進) возникла как служебная в ханьском государстве, почетная должность гуанлу дафу (光禄大夫) возникла как служебная во время империи Цинь [5, цз. 2]. В зависимости от рода деятельности лиц, которым они жаловались, почетные должности подразделялись на гражданские (вэнь 文) и военные (у 武). Обладание той или иной почетной должностью, следовательно, не подразумевало выполнения каких-либо определенных должностных функций. Однако оно давало право на участие в посменной вспомогательной административной деятельности в Палате чинов (для гражданских) или Военной палате (для военных), а также, опять-таки соответственно рангу занимаемой почетной должности, на получение жалованья и на пользование привилегиями.

Гвардейские должности являлись должностями офицерского состава в полках императорской гвардии, которых в период Тан обычно было пестнадпать.

Эти три вида должностей юридически объединялись в одну категорию. В случае, когда возникала необходимость определения статуса чиновника, из всех наличных должностей первой категории в расчет принималась лишь одна — та, ранг которой был наиболее высоким [4, ст. 17].

В самостоятельную категорию должностей выделялись наградные, поскольку они отличались от должностей первой категории и по способу приобретения, и по ранговой структуре. Наградные должности являлись, фактически, ненаследуемыми титулами, и назывались должностями лишь потому, что, опять-таки, в древности их названия действительно обозначали служебные должности [3, цз. 2]. Принципиальное отличие от должностей первой категории состояло в том, что первопричиной изменения статуса здесь являлась именно дарованная должность, ее название, функционировавшее аналогично титулу; получение ранга было следствием получения должности, а не наоборот.

Для распределения наградных должностей была разработана шкала, где учитывался характер битвы, в которой участвовало рассматриваемое лицо, количество лично убитых или плененных им врагов, и его предшествующее служебное состояние, то есть наличие или

отсутствие у него рангов, родства с лицами, имеющими ранги, и т. д. Сопоставление этих трех параметров давало результат, выражавшийся в количестве так называемых "признаний" (ижуань ранги), дававшихся начальством проявившем свою воинскую доблесть лицу (дословно ижуань значит "совершить движение"; смысл термина, видимо, в том, что начальство документально признавало, в том или ином количестве, активные действия данного индивидуума). В соответствии с количеством признаний жаловались наградные должности — только за военные заслуги. Обладание ими давало права на пользование правовыми привилегиями, на владение полем вечного занятия, на осуществление вспомогательных функций в Военной палате и пр. — все соответственно рангу пожалованной должности. Наградные должности относились к должностям основного штата.

Помимо должностей существовали и титулы знатности, передаваемые по наследству, обладание которыми не было связано с выполнением каких-либо обязанностей по отношению к государству, и обеспечивалось лишь происхождением. Однако даже титулы имели ранговые соответствия, и, хотя первичным здесь тоже был титул, лыготы и преимущества здесь дифференцированно распределялись опять-таки согласно рангам.

Все братья и сыновья императора (за исключением наследника престола) получали титул циньван (親王). Сыновья циньванов, которым предстояло унаследовать владение, получали титул сыван (嗣王). Сыновья наследника престола получали титул цзюньван (郡王). Сыновья циньванов, которым не предстояло унаследовать владения, при наличии особого расположения к ним императора в качестве милости также могли получать титул цзюньван, а вообще получали титул цзюньгун. Дети и внуки, наследующие владения сыванов, цзюньванов, а также "особо назначенных" императором ванов с понижением получали титул гогун (國公).

Кроме мужских титулов знатности существовали еще и женские, которые, разумеется, не могли быть наследственными и не несли, по всей видимости, права на владение уделами и полями вечного занятия. Женские титулы назывались минфу (命婦) и подразделялись на внутренние (нэй минфу 內命婦) и внешние (вай минфу 外命婦). Титулы грушпы внутренних минфу жаловались многочисленным женщинам, обслуживавшим императора и наследника престола. Часть внешних минфу получала титулы благодаря собственному статусу, тогда эти титулы имели самостоятельную привязку в ранге. Другая часть — лишь вследствие замужества или получения сыном достаточно высокого ранга, тогда эти титулы пе имели самостоятельной ранговой привязки и приравнивались к рангу лица, благодаря которому этот титул был

получен. Следует еще раз отметить, что фактический личный статус обладающего рангами лица, сколько бы должностей, титулов и прочего у него не было, всегда определялся по самому высокому из всех наличных рангов [4, ст. 14, 17].

Танское право предусматривало четыре привилегии, предназначенные для облегчения наказаний за уголовные преступления. Первая подразумевала обязательное рассмотрение дела преступника лично императором, без учета регулярных юридических норм в случае совершения преступлений, наказуемых смертной казнью. Вторая в той же ситуации давала преступнику возможность подать императору прошение с просьбой о помиловании или смягчении наказания. В случае совершения более легких преступлений и та, и другая сводились к автоматическому уменьшению наказаний на одну ступень. Этим же действием ограничивалась третья привилегия — при преступлениях, наказуемых смертной казнью, она выключалась. Все три привилегии давали основание быть уверенным, что после уменьшения наказания на одну степень от остатка наказания можно будет, как правило, откупиться деньгами (медью). Четвертая привилегия давала аналогичное право откупа, но без предварительного уменьшения наказания; естественно, и она не действовала в случаях с высшей мерой наказания.

Личные ранги с первого по третий предполагали пользование первой привилегией, ранги четвертый — пятый — второй привилегией, ранги шестой — седьмой — третьей привилегией, и восьмой — девятый — низшей привилегией, привилегией откупа.

"Тень", предоставляемая родственникам, давала им право на получение допусков (чушэнь 出身) и на пользование привилегиями, причем чем более высокопоставленным был "тенедатель", тем более широкий круг родственников охватывала "тень" и тем более высокую правовую привилегию "тень" несла. "Тень" продолжала действовать и после смерти "тенедателя" [подр. см. 7].

III. Динамика

Проникновение новых лиц в представленные здесь группы было, разумеется, делом нелегким. Группа знати была весьма замкнутой. Наградные должности жаловались лишь за военные заслуги, к тому же лицам низших категорий служебного состояния трудно было рассчитывать на должность сколько-нибудь высокого ранга. Единственной возможностью, дававшей реальную перспективу дальнейшего роста, было проникновение в основной штат служебных должностей.

Получение ранга, открывавшего путь к такой карьере, могло быть достигнуто тремя способами.

Во-первых, существовала вероятность выдвижения из вспомогательного штата. После долгой и успешной службы в лювай при благоприятных обстоятельствах дозволялось получать низшие должности люнэй. Однако это было крайне редким явлением, а, кроме того, для выдвиженцев из вспомогательного штата, рост в основном штате был ограничен пятым рангом — больше, чем на основной шестой высший ранг они не могли рассчитывать [10, 207].

- Наиболее широким и массовым был путь получения ранга при помощи так называемого права "тени" [подр. см. 7], наиболее уважаемым и престижным — при помощи сдачи академических экзаменов (цзюй 舉; гунцзюй 貢舉) на ученую степень. Д. Джонсон считает, что из приблизительно 1400 человек, в первые десятилетия Тан получавших ежегодно служебные должности, не более ста могли делать это благодаря обладанию учеными степенями; остальные получали исходный ранг благодаря праву "тени" их старших родственников [10, 207]. Он же оценивает общее число лиц, проникших в бюрократию посредством получения ученой степени за все время существования танского государства как 6 % от общего числа получивших служебные должности [10, 149]. Правда, однако, и то, что обладание ученой степенью давало затем ряд преимуществ: престиж, ускорение карьеры и т. д. Поэтому, как отмечает Дж. Кракке, зачастую лица, уже имевшие должности основного штата, затем все же сдавали академические экзамены [11, 121].

Часто забывают о том, что получение "тени" или ученой степени само по себе еще не обеспечивало получения должности. Ранги, даваемые посредством ли сдачи экзамена, посредством ли получения "тени", не были полноценными. Они означали лишь, что если лицо, находящееся в определенном родстве с человеком, отбрасывающим определенную "тень", или получившее определенную ученую степень, захочет занять должность в основном штате, оно будет рассматриваться как имеющее некоторый, определяющийся "тенью" или степенью, ранг. Личный статус такого лица не определялся до получения должности этим рангом; ранг этот существовал как бы в потенции, проявлял себя лишь в одной-единственной ситуации — при соискании служебной должности основного штата.

То же самое можно сказать и о людях, имевших титулы знатности или наградные должности. Их личный статус определялся рангом титула или наградной должности, но, если они предпринимали шаги для получения служебной должности основного штата, ее ранг оказывался значительно ниже их личного ранга. Ранг служебной должности,

к которой они могли быть допущены в силу их личного статуса, тоже существовал лишь потенциально, возникал лишь в определенной ситуации. Соответствующие тексты, например, в "Тай хуй яо", именуют такие ранги не просто пинь или изе, но чушэнь такого-то ранга — "допуск" к служебной должности такого-то ранга, или просто "допуск" такого-то ранга. "Под допуском имеется в виду получение "тени" или ученой степени типа сюцай или минцзин", объясняется в Танском кодексе [4, ст. 21], однако в "Тан хуй яо" термин чушэнь употребляется и в случаях, когда имеются в виду лица, имеющие титулы знатности и т. д. [5, цз. 81]. Родственники императора также обладали допусками. Правда, говоря о них, "Тан хуй яо" не употребляет термина чушэнь, но применение его вообще выглядит довольно произвольным, как если бы речь шла о само собой разумеющейся вещи (например, он не употреблен в разделе о "тени", хотя, согласно "Тан люй шу и", получение "тени" являлось эталонной ситуацией обладания допуском). В Танском же кодексе указывается, что "император распространяет свою "тень" на родственников близости таньмянь и выше" [4, ст. 52], а в "Тан хуй яо" говорится, что правом на получение должностей пользовались родственники императора близости таньмянь и выше; мы вправе предположить, что это происходило, как и у простых смертных, благодаря получению императорской "тени".

Таким образом, допусками на занятие служебных должностей обладали те, кто обладал титулами знатности; те, кто находился в родстве с императором, с его матерью, женой, племянницей или дочерью наследника престола; те, кто обладал наградными должностями; те, кто пользовался родственными "тенями" высокоранговых чиновников; те, кто добился ученых степеней.

Лица, имевшие ранги от шестого и ниже, в том числе лишь допуски этих рангов, перед получением очередной должности обязаны были проходить отборочные экзамены (сюань 選), лишь после сдачи которых они могли получить служебную должность. Некоторые кандидаты, имевшие допуски, ждали годами, прежде чем им удавалось проникнуть в основной штат [13, 42]. Для участия в экзаменах необходимо было иметь личный ранг или допуск, иначе заявление с просьбой об участии в экзамене не могло быть подано. В случае успеха кандидат занимал должность того ранга, который был указан в его заявлении, то есть соответствующую его личному рангу или рангу его допуска (за исключением экстроардинарных случаев шоу и син, о которых упоминалось выше).

Экзаменационная система, как средство пополнения бюрократии "новыми людьми", не принадлежавшими к влиятельным кланам, на протяжении многих поколений державших в своих руках высочайшие

посты в государстве, возникла еще в период Хань, однако лишь в танском государстве достигла заметного развития. Академические экзамены проводились приблизительно раз в год, в столице. Наиболее уважаемыми были экзамены на степени сюцай (秀才), цзиньши (進士) и минцзин (明經), заметно меньшей популярностью и престижностью пользовались экзамены не по словесности, не общегуманитарные, а по конкретным дисциплинам — праву, математике и пр. Самостоятельное участие в экзаменах было невозможно — требовалось направление. Из провинции кандидаты, прошедшие предварительные испытания, направлялись окружными властями; особо направлялись выпускники высших учебных заведений столицы.

Успешно сдавшие академический экзамен в зависимости от результатов разбивались на несколько групп. Новоиспеченные сюцаи группировались как "из лучших лучшие" (шан шан 上上), "из лучших средние" (шан чжун 上中), "из лучших худшие" (шан ся 上下) и "из средних лучшие" (чжун шан 中上). На такие же группы разбивались те, кто получил степень минизин. Цзиньши и минфа (明法) разбивались просто на группы лучших и худших.

Попавшие в разные группы получали допуски разных рангов. Наиболее высокие допуски получали сюцаи: "из лучпих лучпие": становились обладателями допуска основного восьмого высшего ранга, остальные — последовательно на одну степень меньше, так что "из средних лучшие" получали допуски вспомогательного восьмого низшего ранга. Минзины отставали от сюцаев на три ранга: "из лучших лучшие" получали допуски вспомогательного восьмого низшего ранга, "из средних лучшие" — вспомогательного девятого высшего. Изиньши и минфа первой группы получали допуски вспомогательного девятого высшего ранга, второй — вспомогательного девятого низшего [2, 297; 5, цз. 81; 13, 288].

Теоретически экзамены мог пытаться сдать каждый лично свободный простолюдии, не принадлежащий к лишенным этой возможности сословиям ремесленников и торговцев. Однако выходцы из семей знати или чиновников пользовались преимуществами, в частности, в сфере получению допусков. Если некто, имеющий благодаря "тени" высокопоставленного родственника допуск определенного ранга, сдавал академический экзамен и получал степень, то, когда "теневой" допуск оказывался ниже вновь полученного "академического", ранг полученного кандидатом допуска определялся в соответствии с результатом экзамена безо всяких изменений. Когда же "академический" допуск оказывался ниже "теневого", то есть когда сдавший экзамен кандидат и без степени мог претендовать на должность, да еще более высокого ранга, реально получаемый им допуск устанавливался путем

увеличения "теневого". Размер увеличения зависел от результатов экзамена: сюцаям и минцзинам первой группы "теневой" допуск увеличивался на четыре деления шкалы, второй — на три, третьей — на два и четвертой — на одно [7, цз. 81]. Еще одна льгота была предусмотрена для занимающих служебные должности лиц, пожелавших сдать академический экзамен. Чиновник любого ранга основного штата, если он, изучив одно или несколько классических сочинений, сдавал по ним экзамен, по окончании службы в данной должности получал добавку к рангу соответственно количеству изученных им произведений: за одно — на одно деление изе, за два на два, и т. д. [7, цз. 81].

Как уже говорилось, все чиновники шестого ранга и ниже, чтобы получить новую должность, после окончания службы в старой должны были сдавать отборочные экзамены. Они проводились тоже раз в год и подразделялись на гражданские и военные; гражданские проводились в Палате чинов, военные — в Военной палате. Успешно сдавших спращивали, какую сферу деятельности опи предпочли бы, и предлагали должность. Если предложение не устраивало кандидата, он мог отказаться от него. Имел он право отказаться и во второй раз, но если и третье его не устраивало, результаты экзамена аннулировались [13, 42—48].

Существовал еще один вид оценки служащих управленческого аппарата — "проверка заслуг" (као гун 考功). Все чиновники девятого ранга и выше ежегодно получали аттестации со стороны своих непосредственных начальников — единственное исключение составляли те, кто к моменту проведения аттестации не успел проработать в данной должности полных 200 дней [3, цз. 2; 2, 344]. Деятельность подчиненных начальник описывал в стандартных формулировках "четырех достоинств" (сы шань 四喜) и двадцати семи "совершенств" (изуй 最), подбирая из установленного набора характеристик те, которые, по его мнению, в наибольшей степени соответствовали деятельности аттестуемого.

К аттестациям прикладывалась информация об откупах, уплаченных чиновником за подотчетный год. Дело в том, что от мелких преступлений и проступков, в число которых входили и все служебные ошибки и недосмотры, караемых в рамках основной шкалы наказаний палочным битьем, чиновники откупались. Зато в обратную сторону специфика положения чиновника сказывалась в том, что чиновник никогда не мог совершить "просто" преступление, в отличие от простолюдина; он совершал либо "частное" (сы изуй 私罪), либо "общественное" (гун изуй 共罪) преступление, и любое его непозволительное действие обязательно должно было быть отнесено к тому или

к другому, иначе дальнейшая процедура определения наказания после первого его этапа — определения приговора в рамках основной шкалы — стала бы невозможной. "Частным преступлением называется преступление, совершенное не в процессе осуществления общественных дел (то есть должностных функций чиновника — В. Р.). Если преступление было совершено в процессе осуществления общественных дел, но сопровождалось криводушием в стремлениях, оно приравнивается к частным" [4, ст. 17]. Другими словами, всякое отклонение от предписанного поведения, если оно совершалось сознательно или, тем более, с корыстной целью, рассматривалось как частное преступление. Под "общественными" преступлениями "имеются в виду подлежащие наказанию действия, в которых нет корыстного интереса и криводушия" [4, ст. 17], то есть нечаянные должностные ошибки, недосмотры, нарушения правил внутреннего распорядка, неправильное понимание приказа и т. д. Одно и то же действие могло быть квалифицировано и как "частное", и как "общественное" в зависимости от наличия корыстного умысла — и должно было наказываться в том или ином случае по-разному.

При "частных" преступлениях каждый уплаченный в качестве откупа цзинь меди считался малым штрафом (фу 負), а при "общественных" малым штрафом считались каждые два цзиня. Один большой штраф (дянь 殿) составляли 10 малых — то есть 10 цзиней при "частном" преступлении и 20 — при "общественном". Это значит, что "общественные" преступления наказывались вдвое легче частных (а отнюдь не наоборот, как может показаться на первый взгляд). Ведь, чтобы пабрать 1 дянь за "общественные" преступления, надо было за подотчетный период уплатить 20 цзиней штрафа (то есть совершить, скажем, два преступления, наказуемых по обычной шкале 100 ударами тяжелыми палками), а за "частные" — лишь десять цзиней (то есть совершить, скажем, одно преступлене, наказуемое 100 ударами тяжелыми палками). Эти-то сведения и прикладывались к аттестационному отзыву и существенно влияли на результат.

Если имелся один большой штраф за "общественное" преступление, тем, кто соответственно комбинации достоинств и совершенств получал оценку "из лучших лучший", разрешалось эту оценку сохранить; начиная с оценки "из лучших средний" каждый большой штраф понижал оценку на одну степень. "Из лучших лучших" на одну степень понижали два больших штрафа за "общественные преступления". Особая ситуация возникала, если некто в подотчетном году имел одип или несколько больших штрафов за "общественные" преступления, но зато работал в то же время с необычным для себя усердием, качественно лучше, чем прежде. В этом случае один дянь также мог быть

прощен [2, 343; 3, цз. 2]. В случае провозглашения амнистий, даже типа цзян (降) — в танское время существовали амнистии шэ (炒), как правило, полностью освобождавшие от наказания, и цзян, лишь сокращавшие все наказания на определенное, конкретное для каждой цзян число степеней — штрафы разрешалось полностью не указывать при аттестации [4, ст. 92].

Наконец, эти сложные манипуляции приводили к реальному поощрению или наказанию чиновников. Все, аттестованные как "из средних лучшие" и выше, повышались на один ранг и получали прибавку к жалованью на четверть. "Средние из средних" сохраняли и ранг, и жалованье прежними, а "из средних худпие" и ниже понижались на один ранг и лишались четверти жалованья за подотчетный год. Совершение преступлений, оштрафованных при помощи дянь или фу еще более ухудшало положение тех, кто получал низкие оценки. Если для "лучших" и "средпих" даже "частные" преступления могли быть более или менее простительны, всего лишь негативно влияя на окончательную высоту аттестационной оценки, то "из худших средних" и ниже они приводили к временному снятию с должности и лишению жалования за уже отработанный год. "Из худших худших" к тому же результату приводило даже "общественное" преступление, за которое был выплачен хотя бы один большой штраф. Через год, однако, им разрешалось вернуться к служебной деятельности [2, 344; 3, цз. 2].

Существовала и другая практика повышения чиновников в связи с аттестациями, рассчитанная, по-видимому, на более реальные ситуации. У лиц, постоянно получавших средние оценки, перемены в ранге происходили с учетом суммарного результата четырех аттестаций, то есть раз в четыре года. По-видимому, четыре года были средним сроком службы в одной должности. "Столичные и провинциальные чиновники шестого ранга и ниже по прошествии четырех аттестаций во всех получившие оценку "из средних средний" повышаются на один ранг. Каждая оценка "из средних лучший" ведет к повышению еще на один ранг. Каждая оценка "из лучших худший" ведет к повышению еще на два ранга" [5, цз. 81].

В идеале обе системы давали повышение на четыре ранга за четыре года, то есть, теоретически, за тридцать лет беспорочной службы могла быть пройдена вся тридцатиранговая шкала основных должностей. Конечно, такая ситуация, мягко говоря, вряд ли была скольконибудь частой, но она являла собою заманчивую перспективу.

Автоматическое повышение ранга согласно аттестационным оценкам, правда, не могло ни в коем случае преодолеть рубежей между пестым и пятым, и между четвертым и третьим рапгами. Дело в том, что здесь пролегали резкие, качественные границы, разделявние

бюрократию на ярко выраженные слои. "Те, кто должен войти в третий ранг, или в пятый ранг, все ждут специального императорского эдикта, и только тогда получают повышение. Если император не одобряет — повышение не производится" [3, цз. 2; 5, цз. 81].

С другой стороны, как оборотная сторона этой драгоценной медали, награждавшей за добрую службу автоматическим социальным ростом, возник механизм наказания, в котором вместо каторги, ссылки или откупа от них деньгами использовался статуциональный сброс. Все три вида должностных наказаний — разжалование, смещение с должностей (мянь гуань 免官) и смещение с занимаемой должности (мянь соцзюй гуань 免所居官) прерывали карьеру — чиновнику запрещалось заниматься служебной деятельностью на протяжении шести, трех или одного года, после чего он мог претендовать на должность лишь пониженного ранга. При смещении с занимаемой должности сброс был невелик — всего лишь на один ранг, при смещении с занимаемой должности — на два. При разжаловании ранг восстановления колебался в зависимости от высоты ранга, в котором было совершено преступление. Для первых трех рангов величину сброса определял эдиктом сам император. Для менее высокопоставленных чиновников существовали юридически закрепленные нормы, причем, чем выше был исходный ранг, тем больше была относительная величина сброса; основные четвертые ранги восстанавливались, например, во вспомогательном седьмом низшем, а основной девятый высший — во вспомогательном девятом низшем. Затем чиновник мог вновь претендовать на должность, и ему вновь открывались возможности для возобновления и продолжения восхождения на социальные вершины. Аналогичная система прерывания карьеры и небольшого сброса действовала при зачете рангом наказаний обычного порядка, когда должностные наказания не применялись, и чиновник вместо того, чтобы отправляться на каторгу, например, в обязательном порядке понижался в ранге и отстранялся на год от административной деятельности [подр. см. 8].

IV. Криминальные ситуации

Естественно, танское право не могло остаться в стороне от вполне возможных нарушений законности при проведении экзаменов.

Исходным стандартом для определения наказаний в этой сфере было наказание по статье о присылке на столичные академические экзамены непригодных кандидатов (фэйци жэнь 非其人). Такого рода кандидаты подразделялись на морально недостойных и интеллектуально песпособных. Первых Танский кодекс определяет как людей, у ко-

торых "в проявлении добродетелей (дэсин 德行) отмечены строптивость и низость", вторых — как людей, у которых "в проявлении добродетелей нет ущерба, но они не смогли получить степень" [4, ст. 92]. Направление на экзамен одного морально недостойного кандидата наказывалось по основной шкале одним годом каторги; такое же наказание предусматривалось для виновных в сокрытии и ненаправлении на экзамен человека, который явно заслуживал этого. Затем наказание модифицировалось согласно числу неправильно направленных или ненаправленных лиц: за каждых последующих двух человек оно увеличивалось на одну степень, но не могло превысить трех лет каторги.

Понятно, что преступные действия такого рода извращали идею системы академических экзаменов и могли привести к засорению администрации нежелательными личностями, нестандартно мыслящими и действующими ("строптивость и низость"). Охранительные механизмы были жесткими, и интеллектуальные способности сами по себе ничего не значили. Даже если морально недостойный кандидат одерживал победу на экзаменах, оп отсылался обратно, не получая ни степени, ни допуска, а рекомендовавшие его власти признавались виновными.

Значительно легче наказывалось направление на экзамен интеллектуально неспособных кандидатов, хотя это преступление тоже подпадало под действие статьи о присылке непригодных. Если присланный проваливался на экзамене, рекомендовавшие его власти наказывались на две степени ниже, чем за присылку морально недостойного — то есть 90 ударами тяжелыми палками за одного человека. Правда, кодекс уточняет: "Если три пятых общего числа присланных получают степень, то за остальных, как за непригодных, власти ответственности не несут" [4, ст. 92]. Другими словами, если, например, из десяти присланных успеха добивались шестеро, за провалившихся четверых приславшие эту десятку власти ответственности не несли. Если же успеха добивались пятеро, направившая их инстанция признавалась виновной в присылке пяти интеллектуально неспособных. Понятно, что если среди присланных оказывался хотя бы один морально недостойный, за его присылку наказание выносилось отдельно.

Существовал правовой контроль над отборочными экзаменами и переаттестациями. Кодекс гласит: "Все ответственные за проведение аттестаций и экзаменов должностные лица, которые выносят суждения не на основании реального положения дел, а также лица, допускающие произвол в распределении на должности (то есть назначающие чиновников не в соответствии с их специализацией, например, военного — на юридическую должность, и т. д. — В. Р.), так что распределяемые оказываются не соответствующими своим должностям, наказываются на одну степень легче, чем те, кто присылает морально недо-

стойных кандидатов" [4, ст. 92]. Точно так же наказывалось неприложение к аттестационному документу сведений о штрафах, или, напротив, приложение их в том случае, когда делать этого не следовало (например, при амнистии цзян).

Все эти наказания были предусмотрены для случаев, когда данные преступления совершались умышленно. Однако в тех же самых действиях должностных лиц могло и не быть корысти и злого умысла. Кодекс предусматривает и такую возможность. "Когда эти действия совершаются по ошибке, наказание за любое из них уменьшается на три степени по сравнению с наказанием этого же действия, совершенного умышленно" [4, ст. 92].

Документы с результатами экзаменов и аттестаций двигались дальше по инстанциям, и посторонние чиновники могли быть введены ими в заблуждение. Хотя фактически они, как правило, не имели возможности выявить ошибку или подлог, неумолимые правила общеслужебной ответственности не могли оставить их без наказания. Учет и контроль! Судя по мере наказания, они привлекались как сообщники тех, кто допустил ошибку — то есть получали наказание, на одну степень меньшее, чем исходный преступник (однако, если в действительности было изначально совершено умышленное преступление, уменьшение все равно производилось, как от ошибочного, не умышленного — то есть разрыв с наказанием исходного преступника составлял четыре степени). Те же, кто был в курсе происходящего, но не исправили положения, получали наказание, одинаковое с преступником.

Чиновники юридически прикреплялись к месту службы. Беспричиная неявка или уход по личным причинам считались уголовными преступлениями. Начальники округов (цыши 刺史), уездов (сяньлин 縣全) и корпусов ополчения (чжэчун 折衝) за самовольный выезд из пределов своих административных единиц на срок более суток наказывались 100 ударами тяжелыми палками; это же наказание полагалось за отлучку, если она была короче суток, но захватывала ночное время [4, ст. 93].

Чиновники состава ночной смены за неявку на дежурство или ночевку вне учреждения, где они должны были спать в ожидании заступления на дежурство, наказывались 20 ударами тонкими палками; если дежурство захватывало и дневное, и ночное время — 30 ударами. Примерно каждые 20 минут среди всего присутствующего на рабочих местах состава производилась перекличка. Не обнаруженный во время переклички чиновник подлежал наказанию 10 ударами тонкими палками. Если его не обнаруживали и во время следующей переклички — паказание удваивалось. Если и третья перекличка не заставала чи-

новника на месте, он рассматривался как беспричинно не явившийся на службу в данные сугки [4, ст. 94].

Наконец, юридическому гарантированию подлежали темпы отбытия чиновников к месту новой службы и отбытия обратно по прибытию замены. В зависимости от конкретной обстановки устанавливались нормативные сроки сборов и отбытия (их длительность в кодексе не оговорена). За день просрочки относительно норматива чиновник наказывался 10 ударами тонкими палками, затем за каждые последующие 10 дней наказание увеличивалось на 1 степень, а увеличение ограничивалось годом каторги. За задержку в отбытии обратно с места службы наказание было уменьшенным на две степени. Разумеется, от большинства перечисленных наказаний чиновники откупались — но отсюда-то и возникали все эти малые и большие штрафы, которые столь существенно влияли затем на аттестационные результаты.

Среди факторов, регулировавших повседневную деятельность чиновников, важное место занимала общеслужебная ответственность.

Служащие учреждений со стандартным штатным расписанием подразделялись на четыре уровня служебного соучастия, причем нижний уровень охватывал служащих вспомогательного штата, с которых начиналось движение конкретной информации, или которым вверялась ответственность за конкретные объекты. Первый уровень, как правило, выделялся для одного-единственного лица — начальника учреждения; он так и назывался: начальство (ижангуань 長官). Затем шли главноуправляющие (тунпань гуань 通判官), управляющие (пань гуань 判官) и интенданты (ижудянь 主典). Низшие чиновники основного штата, которых кодекс называет "выверяющими" (изянь 檢) и "корректирующими" (гоу 口), исключались из этих четырех уровней, так как они не принимали решений по идущим снизу документам, но и не могли допустить исходной ошибки, способной затем дезинформировать весь вышестоящий аппарат [4, ст. 40].

Исходным уровнем считался в каждом конкретном случае тот, на котором совершилось преступление (в это понятие, как всегда, включаются служебные опшбки и недосмотры). Выше исходного уровня наказание на каждом последующем уменьшалось по сравнению с предыдущим на одну степень. Ниже исходного уровня, если исходным был уровень управляющих, наказание понижалось, как если бы уровень интендантов был максимально удален от исходного, то есть на три степени; если же исходным был уровень главноуправляющих или пачальства, вниз ответственность вообще не распространялась.

Если штат учреждения не мог быть подразделен на четыре уровня (например, администрация рынков состояла лишь из начальства

и интендантов), там выделялись возможные уровни и общеслужебная ответственность применялась соответственно им.

В случае совершения на исходном уровне не "общественного", а "частного" преступления наказание самому преступнику резко новышалось. Если на других уровнях находились соучастники, в том числе просто знавшие о факте преступления, они получали наказания, ослабленные согласно уровням относительно того наказания, которое полагалось исходному, виновному в "частном" преступлении (то есть действовавшему сознательно и корыстно) преступнику. Не знавшие о преступлении сослуживцы получали наказания, ослабленные согласно уровням относительно того наказания, которое полагалось бы преступнику, если бы данное его деяние было "общественным".

Не включенные в уровни соучастия нижние чины основного штата получали такое же наказание, какое полагалось наиболее удаленному от исходного уровню.

Общеслужебная ответственность не ограничивалась рамками одного учреждения, но охватывала высшие и низшие инстанции, если данное дело рассматривалось и в них, и ошибка или недосмотр не были выявлены. Штат вовлеченного учреждения также разбивался на четыре уровня, а исходным считался тот, на котором ошибка, допущенная исходной инстанцией, проникла в вовлеченную. Наказание чиновникам исходного уровня вовлеченной инстанции уменьшалось на одну степень по сравнению с исходным уровнем предыдущей инстанции, а дальше действовал обычный механизм.

Наказания получали и те учреждения, которые являлись посредниками между аппаратом и императором. При обнаружении ошибок и искажений в представляемых императору документах Императорской канцелярии предписывалось исправлять их и отправлять их отправлять документ в исходную инстанцию. Если это не делалось, все чиновники канцелярии, через ведение которых проходила данная бумага, получали одинаковое наказание, на одну степень меньшее, чем то, которое получали на последнем уровне служебного соучастия в исходной инстанции [4, ст. 41].

Если кто-либо из сослуживцев, в том числе и сам преступник, обнаруживал ошибку и заявлял о ней, и он, и все остальные полностью освобождались от наказания. Однако это было возможно лишь при "общественных" преступлениях и лишь пока ошибку не обнаружили другие; в последнем случае сам преступник от наказания не освобождался. Если же ошибка допускалась в приговоре по уголовному делу, и хотя бы часть приговора уже была приведена в исполнение, саморазоблачение не спасало от наказания по "обратной ответственности" (фаньцзо 又坐).

В. М. Рыбаков. Танское чиновничество: рутинные процедуры

Неудобоваримая для современного наблюдателя детальность и сложность процедур были совершенно естественными в свете тогдашних доктрин, обосновывавших претензии государства на тотальную организацию социального пространства. Они должны были, по мысли тогдашних теоретиков, привести к абсолютному автоматизму совершения этих процедур — то есть к тому, на что танские юристы и вообще, применительно ко всему обществу, нацеливали право. Но государственный аппарат, безусловно, был первым кандидатом на эту исступленную регламентацию. Если совершается действие А, то обязанная реагировать на него инстанция должна совершить действие Б, и никакое другое; всякое другое — наказуемо. Если эта инстанция совершает иное действие, обязанная реагировать на него инстанция должна совершить действие В, и только В — иные являются преступлениями.

И так до бесконечности. До императора, вернее — а подчас и выше, до Неба, карающего, скажем, за чрезмерную сексуальность своего Сына наводнениями. Часовой механизм — но притягательный, высокочтимый и даже сакральный; чем выше, тем более сакральный.

Конечно, право — это идеальный образ общества, это мечта общества о самом себе. Помимо прочего, очень интересно следить, какое общество каким рисуется себе в мечтах.

Принципиальная недостижимость идеала всем понятна и не нуждается в доказательствах — ее доказывает сама жизнь. Но все-таки следует помнить, что окончательно сформулированные в период Тан принципы обеспечивали существование дееспособной бюрократии на протяжении веков, вне зависимости от подвижек на самых верхних эшелонах имперской власти — а это достижение, равного которому мировая история не знает.

Источники и литература

- 1. Дай Янь-хуй. Тан люй тун лунь (Исследование общих принципов Танского кодекса). Тайбэй, 1964.
- 2. Ниида Нобору. Торе сюн (Собрание уцелевших административных предписаний Тан). Токио, 1964.
 - 3. Тан лю дянь (Административное уложение Тан). М/ф ксил.
- 4. Тан люй шу и (Танский кодекс с разъяснениями и комментариями). Цун шу цзи чэн. Шанхай, 1936—1939, тт. 775—780.
- 5. Тан хуй яо (Важнейшие материалы периода Тан). Цун шу цзичэн . Шанхай, 1936—1939, тт. 813—828. 6. Рыбаков В. М. О правовом положении чиновничества в средневековом Китае. —
- Народы Азин и Африки. 1982. № 3.
- 7. Рыбаков В. М. Правовые привилегии и понятие "тени". Общество и государство в Китае. М., 1981.

- 8. Рыбаков В. М. Танский кодекс "Тан люй шу и" о должностных наказаниях чиновников. Письменные памятники Востока (историко-филологические исследования). М., 1984.
- 9. Balazs E. Etudes sur la societe e l'economie de la Chine medieval. T. 1—2. Leiden, Brill., 1953—1954.
 - 10. Johnson D. The medieval Chinese Oligarchy. Boulder, Colorado, 1977.
- 11. Kracke Jr. Family vs merit in Chinese civil service examination under the empire. Harvard Journal of Asiatic Studies. 1947, vol. 10. № 2.
 - 12. Perspectives on the T'ang. New-Haven—London, 1973.
- 13. des Rotours, R. Le traité des examens traduit de la Nouvelle Histoire des T'ang. Paris, 1932.
- 14. des Rotours. R. Traité des fonctionnaires et traite de l'armee. Vol. 1—2, Leide, Brill., 1947—1948.

VIACHESLAV M. RYBAKOV. THE T'ANG BUREAUCRACY: DAILY ROUTINE.

The article concerns with normal procedures of civil service in T'ang China. It gives a brief account of governmental structures of that period, describes different kinds of official positions, posts, titles and ranks connected in their turn with these ranks. Then it characterizes the three main ways of penetrating of new members into the bureaucracy and main legal procedures which regulated the speed of career, the success or the failure in achieving the higher rank. Special attention is paid to the various criminal situations which could take place in the time of carrying out of the official duties.